

Волшебник с Женевского озера

За рубежом. — 1993. — 22-28 окт. (№ 43) —

с. 22.

О забытых интервью Владимира Набокова

«ШПИГЕЛЬ», ГАМБУРГ.

«Я В ОДИНАКОВОЙ степени не испытывал на себе ничего влияния, как со стороны покойных, так и здравствующих писателей, равно как никогда не входил ни в какие союзы или группы. По видимому, меня нельзя отнести и к числу литераторов, принадлежащих к какому-либо определенному направлению. Я подобен волану, летящему над Атлантикой. И если бы вы знали, как светло и радостно парить в обожанной синеве моего неба, вдали от всех этих болванов и самовлюбленных мыслителей».

Так в 1958 году с присущим его яркому таланту блеском писал великий чужестранец в царстве литературы Владимир Набоков. Тогда только начиналось триумфальное шествие по всему миру его эротического романа «Лолита».

Так же ярко он разъяснил репортерам Би-би-си, почему, не отдавшись безраздельно своей всепоглощающей страсти — коллекционированию бабочек, — продолжал писать книги, уточненные, выдуманные, дразнящие новеллы, демонстрирующие великолепный стиль и мастерство. «Это доставляло мне удовольствие и в то же время стоило большого труда. У меня

нет никаких социальных устремлений и никакого желания морализаторствовать. Я занимаюсь этим не ради какой-то идеи. Мне просто доставляет удовольствие придумывать загадки с изысканным решением».

Однако престарелый волшебник был готов вести словесные баталии всякий раз, когда журналисты навещали его на берегу Женевского озера, где он прожил с женой Верой 17 лет вплоть до смерти в 1977 году.

В 1973 году мастер опубликовал составленный им по собственным записям сборник, включающий 22 интервью, относящихся к 60-м и началу 70-х годов, включив в него нес-

колько статей и писем к читателям. В подготовленном Дитером Циммерманом собрании сочинений Набокова, вышедшем в издательстве «Ровольт», этот том можно прочитать на немецком языке. Он в изобилии содержит обозначенные в названии «Ясные мысли».

Это мысли нестигаемого одиночки, придерживающегося весьма пестрых по характеру элитарных космополитических воззрений — русского по рождению, утонченного петербуржца по воспитанию, насквозь пропитанного западноевропейской культурой и при всем этом, как он сам с гордостью признавался гостю из «Пари ревью», «американца в той мере, что и апрель в Аризоне».

Это образно сформулированные мысли «кроткого престарелого господина», который «с отвлечением относится к жестокости», больше всего ненавидит «ночные клубы, яхты, цирки, порно-шоу», самым отвратительным считает «истории о страстях и нравах гомосексуалистов, антиамериканские советские проповеди», не принимает шарлатанские, даже сатанинские мистификации «австрийского путаника» Зигмунда Фрейда.

Согласитесь, пикантные кусочки, готовая пища для журналистов «Тайма», «Лайфа», «Нью-Йорк Таймс», «Плейбоя», «Вог», швейцарского радио и баварского телевидения. Набоков с большим знанием дела судит о литературном мастерстве коллег, о «дешевом писателе, гонящемся за сенсациями» и «комеданте-халтурщике» Достоевском, а также «безнадёжно отставшем в своем половом развитии» Джозефе Конраде с его «стилем, напоминающим лавку старьевщика».

Например, «напичканная непроходимыми глупостями» «Смерть в Венеции» Томаса Манна, или мелодраматический, притом дурно написанный роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», или хроники жизни поселенцев в девственных лесах Америки Уильяма Фолкнера представляются ему «такой же бессмысленной иллюзией, как и совокупление находящегося под гипнозом человека с креслом».

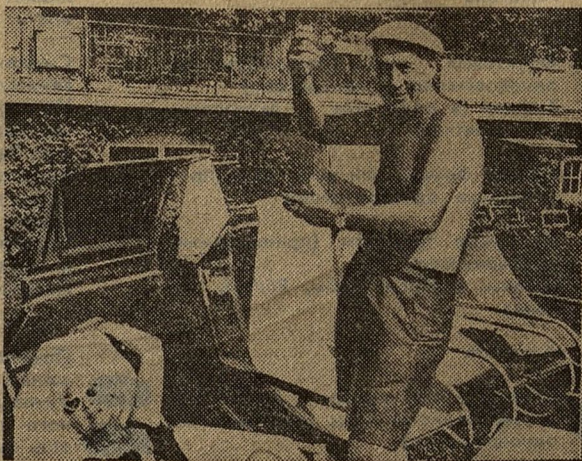
Напротив, лишенное чувства зависти восхищение Владимира Набокова заслужили действительно великие романисты столетия Пруст, Кафка и особенно Джеймс Джойс, автор «Улисса», этого «божественного литературного произведения». Писатель ощущает себя родственным им по духу благодаря способности романиста-творца «не только по-новому взглянуть на окружающий мир, но заново построить его». И естественно, «искусство находится там, где оно предстает наиболее великим, фантастически обманчивым и сложным».

Однажды в разговоре с журналистами Би-би-си он коснулся своей «личной трагедии» — в середине жизни после выхода девяти книг на «природном языке» Набоков был вынужден отказаться от «богатейшего, бесконечно гибкого русского языка», с тем чтобы «поменять его на второсортный английский».

Последнее произведение Набокова, написанное на русском языке, в 1938 году было опубликовано под названием «Дар», причем сначала в переводе на немецкий. По мнению автора, это был «самый лучший и меланхоличный» из его «русских романов».

Тем не менее, оглядываясь назад, Набоков видит свое бытие счастливым, всегда «гармоничным и окрашенным в жизнеутверждающие тона».

На вопрос относительно его «места в литературном мире», Владимир Набоков лаконично ответил: «Сверху открывается сказочный вид».

Владимир Набоков с женой Верой в Монтрё (1966 год).

28.10.93

Набоков В.